

Глава 8

Трапеза

Фарфаноэрс и представить не мог, что демонический язык окажет столь сокрушительное воздействие на человеческий разум. Гвидо, замерший с остекленевшим взглядом и безвольно опущенными руками, являл собой зрелище пугающее. Юноше не оставалось ничего другого, как отложить записи и составить новый черновик.

— Значит, такова речь демонов... — пробормотал старик, придя в себя.

Он поспешил оставить эту тему — вернее сказать, Гвидо подсознательно стремился поскорее вытеснить из памяти то леденящее душу ощущение, что охватило его при взгляде на символы.

Кончиком пера Фарфаноэрс указал на начертанные строки, где в строгом порядке располагались названия:

«Календарь: Сезон серого тумана, Сезон зелёного тумана, Сезон белого тумана»

— Сейчас мы пребываем в Сезоне серого тумана.

Как и в подлунном мире, год здесь делился на двенадцать месяцев. Пять из них занимал Сезон серого тумана, три — Сезон зелёного тумана, и четыре — Сезон белого тумана. Серый туман был временем относительного затишья и скудности: хищники редко выходили на охоту, а растения едва прибавляли в росте. Зелёный туман, приносивший с собой иссушающий зной и внезапные ливни, во многом напоминал лето, но лето ядовитое — горы окутывали удушливые миазмы, а в лесах пробуждались полчища кровожадных насекомых.

— Стало быть, Сезон белого тумана подобен зиме? — подытожил Гвидо. — Сходство кажется очевидным.

— Белый туман приносит с собой лютую стужу, — кивнул Фарфаноэрс. — И вынуждает порожденных прошлым сезоном зверей истреблять друг друга в яростных схватках.

— Земные хищники по большей части предпочитают впадать в спячку.

— К несчастью, здешние твари — нет.

Юноша взглянул в окно: небо ответило ему привычной свинцовой хмурию.

— Верно, нам необходимо вести летосчисление... Раз здесь нет солнца, мы могли бы

использовать песочные или водяные часы...

— А почему бы не использовать механические часы? — поинтересовался Фарфаноэрс.

— Часы? — Гвидо на мгновение задумался. — Что это?

Он вновь убедился, что из уст юного господина то и дело вылетают диковинные слова.

— Своего рода хронометр.

Фарфаноэрсу пришлось изрядно поломать голову, объясняя устройство механизма и набрасывая на бумаге его схему. Лишь тогда Гвидо сумел извлечь из памяти крупницы знаний: он слышал, что в одном далеком аббатстве вроде бы выставляли нечто подобное, но среди монастырских сокровищ на этот курьез никто не обратил внимания.

— И как же изготовить такой прибор?

Гвидо долго изучал чертеж, в то время как Фарфаноэрс задумчиво рассматривал потолок. Он знал, что маятниковые часы работают по закону колебаний, но что до сложных шестеренок... В его родном мире давно царил электроника, и кто в здравом уме стал бы вникать в тонкости механики вековой давности?

Впрочем, закона маятника хватило, чтобы произвести впечатление. Объяснив основы, юноша невозмутимо решил, что на первых порах сойдут и песочные часы, и перешел к следующему пункту.

Дальнейшее обсуждение прервал молодой человек по имени Рельба, присланный Ансеринусом: пастуший гусь-монстр приглашал их на кухню.

Пока в скриптории шли споры, разведывательный отряд Виладуана уже успел вернуться. Согласно приказу Владыки, они не удалялись далеко, ограничившись заготовкой древесины и сбором провизии в мигрирующем лесу. Одолжив у Ансеринуса корзины, мужчины карабкались на деревья за плодами или ловили мелкую дичь, а женщины, осторожно придерживая юбки, собирали растения, казавшиеся наименее опасными. Как правило, достаточно было бросить в куст камень, чтобы проверить его защитные механизмы; те же травы, что позволяли себя сорвать, обычно были всего лишь ядовиты.

Под покровительством демона-лорда этот яд перестал быть смертельным, однако Виладуан как предводитель отряда пребывал в крайнем напряжении.

И всё же без происшествий не обошлось. Один из крестьян, пренебрегши приказом, украдкой съел несколько сморщенных плодов и вскоре рухнул наземь, не в силах подняться. Будь это в мире живых, Виладуан не стал бы возражать против того, чтобы батрак отведал плодов во

время сбора — многие из них не утоляли голод, зато вызвали расстройство желудка. Но здесь любая ошибка могла стать роковой.

— Быстрее, вызовите у него рвоту! — скомандовал рыцарь.

Один из пахарей сунул в горло упавшему сорванную ветку. Спустя мгновение беднягу вывернуло: вместе с горькой желчью из его широко разинутого рта выполз огромный паук.

Кое-кто из присутствующих едва не лишился чувств от ужаса.

— О, вам повстречался фруктовый паук, — прокомментировал Ансеринус, выслушав их рассказ. В его голосе прозвучало искреннее сожаление. — Эти создания мастерски прикидываются сочными плодами. Обычно они заманивают мелких птиц, чтобы те проглотили их, и откладывают яйца прямо в птичье чрево... Но против крупных существ они бессильны. Зверь с крепкими зубами просто разорвет их нежное, полное сока брюшко. У этих пауков на редкость сладкий и терпкий вкус — должно быть, тот глупец проглотил его целиком! Стоило разок куснуть, и никакой беды бы не случилось.

«Легко тебе говорить», — подумал Вирадуан, хотя в словах гуся была доля истины. Он лишь тяжело вздохнул.

— Значит, этот паук съедобен?

— Из него получается отличный сок! Если паук почует, что вы собираетесь его разжевать, он непременно попытается сбежать. Но если свалить их всех в бутылку и хорошенько придавить — деваться им будет некуда!

Речи Ансеринуса всё больше напоминали откровения злодея из старых сказок.

— Ну-ка, посмотрим, что вы там притащили... — гусь-монстр подошел к корзинам и принялся разбирать добычу. — Так... чёрный луговой гриб. Ядовит, придется вымачивать в воде несколько дней. Зудная тазовая орхидея... её можно есть, если обжарить, иначе покроетесь сыпью и начнете беспричинно хохотать. Причем зуд начнется и на внутренних органах! О, а вот и земляные наросты. Могли бы накопать и кровавых — из них выходит чудесное жаркое, почти не отличить от мяса.

— Искали, но не нашли, — коротко отрезал Вирадуан.

— А еще вы набрали диких ягод... Неплохо. Если добавить побольше сахара, получится славный пирог. Сейчас сахара маловато, так что я пока залью их в кувшин...

Когда Фарфаноэрс переступил порог кухни, Ансеринус как раз обдумывал меню на вечер:

— Решено! На ужин подадим тушеное мясо лесного крысолака с лепестками тазовой орхидеи, добавим мелко нарезанный смеющийся лук, ложку концентрированного костного мозга, базилик и шпинат. И самое главное — обжаренные орхидеи и молочных крысят. Взрослый крысолак может весить до восемнадцати фунтов, но этот, которого вы поймали, совсем крохотный. Еще сделаем ложные мясные тефтели из земляных наростов. Растолчем их, подмешаем шипящую мяту, корицу и немного пепельного мха. Приправ всё еще негусто, но так у них появится хоть какой-то мясной вкус. И наконец...

Он придирчиво выбирал ингредиенты, пока Фарфаноэрс не взял в руки один из странных плодов с неровной, бугристой поверхностью. Юноша слегка подбросил его на ладони:

— Кажется, это яйцо.

Многие магические существа в Преисподней откладывали яйца в самых неожиданных местах. Фарфаноэрс внимательно осмотрел находку и с усилием отогнул чешуйки на оболочке. Тотчас наружу просочился густой сок, подозрительно напоминающий кровь. Юноша присел и жестом подозвал гуся.

— Похоже на кладку бальзаминового соловья.

— Это можно есть? Там в корзине еще несколько.

— Можно? Конечно, можно! Соловей чарует сердца своим пением, а потому его язык сладок, словно мед. Если не возражаете, мы могли бы вырастить пару птиц... А то, что у вас в руках, предоставьте мне.

По правде говоря, несмотря на амбиции Ансеринуса сотворить кулинарный шедевр, принесенных продуктов едва хватало, чтобы накормить всех. К тому же приготовление требовало немало специй. Вместе с теми запасами, что Фарфаноэрс собрал ранее, еды выходило ровно на одну трапезу. Пусть даже в этом мире одной порции хватало надолго, юноша рассудил: устрашение уже состоялось, теперь не помешает и немного ласки. Он позволил Ансеринусу распоряжаться продуктами.

— В будущем у вас будет еще больше слуг, — проговорил Гвидо, сощурившись так, что морщины на его лице пришли в движение. — Смею ли я предположить, что вам вовсе не обязательно заискивать перед ними?

— А разве это не само собой разумеется? С того мига, как контракт подписан, ваши души перешли в залог мне, — бесстрастно отозвался демон-лорд. — Гвидо, кажется, при жизни ты редко страдал от голода.

— Было бы ложью сказать, что я никогда не голодал. В годы ученичества я проводил дни и ночи за чтением и порой падал в обморок от истощения прямо в хранилище фолиантов. Позже, странствуя и скрываясь от мародеров, я бродил по пустошам и жевал траву... Но такие случаи были редкостью.

Для алхимика изысканные яства были лишь одним из многих удовольствий. В своей земной жизни он вкушал угощения епископов, вельмож и даже королей.

— Вот как.

Фарфаноэрс ответил уклончиво:

— То, чего не удалось получить при жизни, не так-то просто отпустить после смерти. Скоро ты сам в этом убедишься.

Когда работа была окончена и люди один за другим потянулись в обеденный зал, их сразу окутал манящий аромат пищи. Бедняки рассаживались скованно, и лишь дети не могли сдержать любопытства, вертя головами по сторонам.

Кеми был одним из них. При жизни он был четвертым ребенком в семье и умер от голода, когда закрома опустели. Он догадывался, что у родителей не найдется денег на похороны и его просто прикопают в поле, как и его старшего брата. Монахи говорили, что души, не нашедшие достойного погребения, лишатся покоя... Судя по тому, что Кеми довелось пережить, слова те были правдой.

Пока их не забрал Повелитель Демонов. Ему нужны были батраки, и Кеми быстро смирился с тем, что жизнь после смерти мало чем отличается от прежней. Правда, его и еще двоих мальчишек Хельзе — которую он сразу признал за главную экономку — определила на легкую работу: таскать воду и протирать мебель. Мальчик думал, что пройдет вечность, прежде чем его накормят досыта.

Глотая слюну, он ерзал на стуле, не веря своему счастью. Перед ним поставили чашу с тушеным крысолоком, две тефтели, обильно политые соусом, миску с кашицей из диких трав, ломоть хлеба и кружку воды. От горячего пара кружилась голова. Кеми жадно зачерпнул мясную похлебку. Станный зуд заставил его невольно рассмеяться; то же самое произошло и с другими едоками. Вскоре зал наполнился хохотом: грубый смех мужчин мешался с тонким женским визгом, и звонкие детские голоса тонули в этом общем веселье.

Тефтели имели острый, пряный вкус. На мясо они походили мало, но Кеми проглотил одну мгновенно, а вторую, облизав губы, решил оставить напоследок. Здесь кормили по отдельности, рассаживая всех далеко друг от друга, так что украсть чужой кусок было невозможно. Кеми подсмотрел за взрослыми и принялся макать хлеб в травяную кашицу. Сильный аромат зелени перебивал вкус хлеба; мальчик откусил кусочек и вдруг почувствовал непреодолимую скуку. Ему расхотелось есть, даже тефтели потеряли привлекательность. Не понимая, что происходит, он отпил воды — и стоило привкусу травы исчезнуть, как аппетит вернулся с

новой силой.

Он и не подозревал, что на кухне за всем происходящим наблюдает Фарфаноэрс. Юноша бесцеремонно ухватил гуся за край передника:

— Послушай, что это за трава в каше?

— Это скучный зелёный лист. Он дает чувство сытости и отбивает аппетит, но есть одна тонкость: обычно он подавляет вообще любые желания... Продуктов маловато... Если хотите, чтобы все были довольны, в этом есть свой смысл...

«Что еще за сорняк?» — подумал Фарфаноэрс, но тут же рассудил, что и в подлунном мире, и в Преисподней главная цель любого растения — сделать так, чтобы его не съели.

Пусть даже это редко помогало.

Тем временем из обеденного зала доносился звон посуды и шум оживленной трапезы. Для этих простых людей возможность посидеть в тепле, под надежной крышей, и вдоволь наесться была настоящим благословением. Несмотря на то, что замок располагался под землей, высокие потолки столовой и кухни венчали слуховые окна-люкарны, в которые прокрадывался тусклый свет. Снаружи начался дождь, доносились глухие раскаты грома.

Ужин подходил к концу. Забытое чувство сытости клонило в сон. Хельзе и Виладуан вышли из кухни и объявили, что завтра работы продолжатся внутри замка: в пустоши за добычей отправятся лишь тогда, когда стихнет ливень.

— А завтра нас накормят так же? — подал голос кто-то из толпы.

— Если будете трудиться прилежно, еда найдется всегда, — осторожно ответила Хельзе. Она обвела зал взглядом и повысила голос: — Владыка обещал вам сытость. Скажите, сдержал ли он слово?

— Да, мы сыты... Давно я так не наедался...

— И было очень вкусно!

— Похоже, быть батраком у демона не так уж плохо...

— Тише! — оборвала она. — Если будете покорны и трудолюбивы, голодать не придется.

Рыцарю казалось, что речи Хельзе звучат неуверенно, но крестьяне куда охотнее верили

простым доводам дочери мельника, чем витиеватым фразам господ. Кое-кто, впрочем, еще сомневался, считая первую трапезу лишь хитрой уловкой, и втайне вздыхал. Хельзе велела тем, кто закончил, убрать посуду и расходиться; мыть тарелки предстояло завтра.

Почему не сегодня? Потому что начался дождь, а Фарфаноэрс строго-настрого запретил им выходить на открытые пространства, включая внутренний двор. А значит, набрать воды было невозможно.

— Дождевые капли вызывают гниение плоти, — пояснил Фарфаноэрс. — А мне они еще нужны для работы.

— Это правда, — поддакнул Ансеринус. — Прежние владыки собирали такую воду, чтобы кропить ею кожу живых душ. Когда плоть подгнивала, её сдирали со слуг: иногда на пергамент, а иногда варили из неё клей... А чего это вы на меня так смотрите?

Фарфаноэрсу нестерпимо захотелось закрыть лицо рукой, но он сдержался.

— Какая... какая жестокость, — прошептала Хельзе.

Виладуан промолчал: он не выглядел удивленным, ведь именно так и описывали демонов в старинных книгах.

— Слушаюсь, мой многоуважаемый Владыка!

<http://bllate.org/book/16116/1582115>